ПИТЕР
ПОКЕТ

АРМЕН
ГАСПАРЯН

РОССИЯ В ОГНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

«В гражданской войне не бывает победителей. Это только кажется, что одна сторона доказала своё превосходство. В русской смуте проиграли все, потому что страна оказалась затоплена кровью».

Армен Гаспарян, журналист, теле- и радиоведущий

Армен Сумбатович Гаспарян

Россия в огне Гражданской войны

Серия «ПИТЕР ПОКЕТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18559270
Россия в огне Гражданской войны: Питер; СПб; 2023
ISBN 978-5-00116-845-4

Аннотация

В любой гражданской войне всегда есть победители и побежденные, но нет правых и виноватых. Именно поэтому так важно знать подлинную историю Гражданской войны в России, а не мифы о ней. Действительно ли на стороне белых воевали сплошь помещики и капиталисты, а на стороне красных – рабочие и крестьяне? Как в действительности создавалась Красная армия? Могли ли белые победить? Ответы на эти и множество других вопросов – в увлекательном исследовании Армена Гаспаряна.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие 6
«Молодость – доблесть – Вандея – Дон» 11
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Армен Гаспарян
Россия в огне Гражданской войны

Посвящается А. О.

Часть средств от продажи книги будет перечислена в библиотечные фонды территорий, пострадавших от военных действий.

© ООО Издательство «Питер», 2022
© Серия «ПИТЕР ПОКЕТ», 2022
© Армен Гаспарян, 2022
© Фото на обложке РИА Новости, автор Владимир Минкевич, 2022

* * *

«Убедительность, логичность, грамотное оперирование фактами, неподвластность медийной сиюминутной конъюнктуре – так можно охарактеризовать стиль Армена Гаспаряна – известного историка, журналиста и общественного деятеля, члена Центрального совета Российского военно-исторического общества. И дело не только в тайных

смыслах того, что происходило тогда, в 1917 году. Дело и в очевидном и открытом смысле наших выводов и преподнесенных историей уроков. Главный из которых видится в давно назревшей актуальности всеобщего примирения»

Владислав Кононов,
исполнительный директор Российского военно-исторического общества

«Армен Гаспарян – человек, обладающий уникальным даром. Чувствовать события минувших дней так остро и ярко, как будто они разворачиваются здесь и сейчас. В основе этого дара лежит тщательная, скрупулезная работа с архивными материалами, где он последовательно разбирает ключевые моменты истории. Причем делает это живым, разговорным языком, приводя много фактов и интересных сравнений, давая порой жестокие оценки историческим деятелям»

Владимир Соловьев,
теле- и радиоведущий, известный журналист

Предисловие

Не так давно мы отметили скорбную дату – сто лет с начала Гражданской войны в России. Это хороший повод для того, чтобы наконец-то сделать правильные выводы из рокового урока истории. Нам стоит использовать этот юбилей с максимальной пользой. Главное – продолжить обсуждение в обществе тех драматических событий, и, конечно, не через привычную многим призму классовой борьбы. К событиям второй русской смуты нам пора подходить так же тщательно, как и к событиям Великой Отечественной войны. Нам с вами могут не нравиться какие-то ее эпизоды, но мы ведь не уклоняемся от их изучения и анализа. Доблесть должна называться доблестью, а преступление – преступлением. В случае же с Гражданской войной эта практика, к сожалению, не работает.

Большинство из нас никак не могут начать взвешенно относиться к тем событиям. Речь идет даже не о каких-то частностях, на которые можно было бы закрыть глаза. Проблема глубже – речь идет об оценке эпохи. Взгляды многих людей остаются столь же радикальными, как и сто лет назад. Одни категорически не приемлют большевизм, другие люто ненавидят контрреволюцию. Беда в том, что обе эти гражданские позиции основываются не на знании той эпохи, а на эмоциональном восприятии многочисленных мифов, будь то совет-

ских или эмигрантских. И, разумеется, каждая из сторон активно занимается переписыванием истории.

Можно ли считать подобный подход к собственному прошлому здравым или хотя бы несущим в себе элементы конструктивности? Конечно же, нет. История нам может не нравиться, так бывает. Но ее невозможно переиграть. Трагедия Гражданской войны давно уже стала частью нашего очень сложного прошлого. Герои тех дней, если, конечно, к событиям братоубийственной войны допустимо такое определение, давно уже предстали перед судом Божьим. При жизни они были смертельными врагами. Должны ли их потомки поступать так же? Убежден, что это недопустимо.

Для меня важны все события тех трех страшных лет – от зарождения Добровольческой армии и строительства Рабоче-крестьянской Красной армии до времени, когда части Русской армии барона Врангеля были разбросаны по Европе. Это была жуткая, но судьбоносная эпоха для нашей страны. Место разрушенной Российской империи заняла молодая Советская республика. Романтизм и героизм приходили на смену разочарованию и апатии. Но все очевидцы событий были убеждены в том, что это великая эпоха. Страшная, кровавая, судьбоносная. Этим переполнены все их воспоминания о тех днях. Так не пора ли нам, потомкам, начать так же относиться к тем событиям? Без переписывания неугодных фактов, без фанатизма в утверждениях, но со знанием реалий того периода.

Это было невероятно сложное время. Тот период вместил в себя больше, чем десятилетия истории любой другой страны. Харизматичные лидеры, масштабные социальные потрясения, бесчисленное множество жертв. Чрезвычайные комиссии, белые контрразведки, регулярные части обеих противоборствующих армий, откровенные бандформирования. Террор в тылу и геройство на поле боя. Я вовсе не нахожу в этом повода для гордости, как кто-то поспешил бы подумать, но уважение, безусловно, испытываю. Уважение к важной части нашей сложной истории. К этому я призываю и вас, мои читатели.

В гражданской войне не бывает победителей. Это только кажется, что одна сторона доказала свое превосходство. В русской смуте проиграли все, потому что страна оказалась залита кровью. Наши прадеды, пылая невероятной ненавистью друг к другу, оказались по разные стороны баррикад. Прежде всего нам нужно честно ответить самим себе на целый ряд вопросов. Понимаем ли мы, что такое Гражданская война и почему ее история до сих пор вызывает столь ожесточенные споры? Нам важно разобраться, кем на самом деле были первые белогвардейцы, кто и как создавал Красную армию, почему войскам Деникина не удалось взять Москву, каков процент правды в многочисленных утверждениях о красном терроре, почему Врангель считал уход из Крыма передышкой перед возобновлением борьбы с большевиками. Без осознания всех этих процессов мы никогда не пой-

мем сути русской смуты, унесшей жизни миллионов жителей России.

За годы работы на радио я рассказал о Гражданской войне, казалось бы, все. Не обходил острые углы, не уклонялся от обсуждения самых сложных моментов. Говорил обо всем подробно. Но вопросов ко мне не становилось меньше. Напротив, они росли как снежный ком. Пользуясь прошедшим юбилеем тех событий, я попытаюсь ответить на большую часть из них в этой книге.

Вы держите в руках не очередную тяжело читаемую монографию, снабженную подробнейшим научно-справочным аппаратом и дополненную многочисленными приложениями в виде архивных документов. Подобных изданий уже довольно много. Если будет на то интерес – без труда сумеете ознакомиться. Перед вами и не учебник истории. Считайте, что вы включили радио. Устраивайтесь поудобнее и слушайте. Я продолжу вам рассказывать точно так же, как вы привыкли за эти годы. Все останется, как и прежде: неожиданные сравнения, ирония, сарказм, уважение, негодование и беспристрастные оценки.

Я выражаю огромную признательность Владимиру Соловьеву, в чьих эфирах на радио «Вести FM» окончательно сформировался стиль этой книги. Отдельное спасибо – читателям моего Twitter, которые помогали определить основные мифы эпохи и понять, на что обязательно нужно обратить внимание.

«Молодость – доблесть – Вандея – Дон»

Только военная диктатура могла с надеждой на успех бороться против диктатуры коммунистической партии.
Генерал А. И. Деникин

Уже, наверное, не осталось людей, которые хотя бы раз в жизни не слышали знаменитых строк Марины Цветаевой из стихотворения «Дон». Какую книгу о Гражданской войне ни откроешь – обязательно наткнешься на них. Кто-то ограничивается этой строчкой (см. заголовок. – *Прим. ред.*), кто-то цитирует стихотворение полностью. Дошло уже до того, что авторы не расшифровывают смысл. Дескать, и так всем все понятно, чего время-то терять? Я же, в свойственной мне

отвратительной манере, вопрос задам. Как всегда, простой. Что, собственно, понятно из этих известных строк прекрасной русской поэтессы?

Не торопитесь сразу отвечать. Подумайте. Все повторяют вслед за Цветаевой про Вандею, но даже не подозревают, насколько же несопоставимо это сравнение с событиями зимы 1918 года. Я напоминаю, что те далекие события во Франции современники характеризовали как объединение религиозных и преданных знати крестьян, которые под руководством мелкого дворянства пытались восстановить монархию и спасти католицизм. Как мы понимаем, с генералом Корниловым и его армией здесь нет ничего общего. Религиозный фактор не был ключевым у первых белогвардейцев, хотя определенное значение, безусловно, имел. Говорить о том, что основой добровольцев были преданные знати крестьяне, конечно же, можно, но только если принципиально не изучать не то что архивные документы, но даже опубликованные хорошими по нынешним меркам тиражами работы современных историков. Наконец, восстанавливать монархию Корнилов на том этапе точно не собирался. И при всем этом – все равно Вандея.

Генерал Л. Г. Корнилов

Согласимся, образ сильный и запоминающийся. И понятно, почему он активно использовался участниками событий. Им нужен был свой символ в противовес символизму Французской революции у большевиков. Только и всего. Но как большевики с большим отрывом превзошли своих идейных предшественников, так и донская Вандея не идет ни в какое сравнение с французским аналогом. Не потому, что «дым Отечества нам сладок и приятен», а в силу своего влияния на последующие процессы.

С тех пор прошло чуть более века, но в обществе до сих пор нет не то что примирения, а хотя бы элементарного понимания того, почему русская смута шла с таким ожесточением. Почему те русские, которые вынуждены были по итогам Гражданской войны покинуть Россию, долгие годы жили с одной мыслью: «Война еще не закончилась»? Почему тысячи эмигрантов оказались на стороне фашистской Германии, сделав роковой для себя выбор? Что должно было произойти с человеком, чтобы он присоединился к тем, кто идет уничтожать его же народ?

Генерал С. Л. Марков. Командир 1-го Офицерского генерала Маркова полка

Начиная работать над этой книгой, я специально поинтересовался у своих читателей в Twitter: «Закончилась ли Гражданская война?» Сотни ответов… Градус радикализма суждений меня неприятно поразил. Такое впечатление, что одна половина до сих пор примеряет вечерами «пыльные шлемы комиссаров», а вторая – спит и видит себя в ладной офицерской гимнастерке Марковского полка. Истоки этого – в холодной зиме 1918 года. В Ростове. Если угодно – в той самой донской Вандее.

В начале русской смуты не было ничего романтичного. Оркестр не играл встречный марш, а гимназистки не махали вслед платочками, утирая слезы восторга. Скорее напротив: все было исключительно буднично.

Ночь на знакомую всем дату – то самое 23 февраля. Ростов погружен в кромешную темноту. Город спит и не подозревает, что в эти самые минуты Добровольческая армия уходит в свой первый поход. Это потом он станет легендарным Ледяным, а его участники будут заслуженно гордиться своим статусом первопоходников. Это потом его опишут в сотнях книг и тысячах статей, а знак участника Кубанского похода на ленте георгиевских цветов станет символом русской контрреволюции. Все это будет потом. В ту ночь об этом никто не думал – не до того было людям.

Добровольческая армия уходит в свой первый поход

Холодный ветер и одиночные ружейные выстрелы, сухо скрипит снег под сапогами. Немногочисленные участники похода не стремились укрыться от непогоды в теплых квартирах или шумных ростовских трактирах. Со стороны они казались обреченными. Редкие прохожие и не догадывались, что эти люди в военной форме готовы бросить вызов не только холоду и снегу, не признаваемому ими новому правительству России и инертности масс. Они бросали вызов сами се-

бе. Делать это им было привычно.

Рядом стоят живые легенды русской императорской армии: генералы Алексеев, Корнилов, Деникин, Марков, Романовский. Овеянные славой первые корниловцы: полковник Неженцев и штабс-капитан Скоблин, командир георгиевского батальона полковник Тимановский и последний командир лейб-гвардии Преображенского полка полковник Кутепов. Неподалеку в шеренгах стоят будущие легенды Белого движения на Юге России: тогда еще прапорщик Ларионов и поручик Левитов, штабс-капитаны Марченко и Бузун. Перечислять можно долго.

> В их облике не было напускного геройства. Никакой рисовки. Полная концентрация.

Только холодная решимость в глазах и в уголках рта замершая команда самим себе: «Господа офицеры, вперед!» Вера в собственную стойкость и стойкость тех, кто стоит в этой шеренге плечом к плечу. Каждый понимал: на них сейчас смотрят и равняются кадеты и юнкера, откликнувшиеся на призыв генерала Корнилова и вступившие в Добровольческую армию.

За всю многовековую историю нашей страны такой армии никогда не было. И я очень надеюсь, что и не будет. Большая часть выступивших в поход из Ростова – офицеры. Все они прошли через бои Первой мировой войны. Многие за военную доблесть были награждены орденами Св. Георгия и Георгиевским оружием. И вот теперь они, по сути, стали на

положение рядовых. Никто не роптал. Свое нынешнее положение поручики, штабс-капитаны и полковники расценивали как проявление высшего долга перед Родиной в исключительно сложный для нее момент. Большинство вообще считали, что надо было еще на германском фронте формировать сугубо офицерские части, что могло бы изменить ситуацию. Но и сейчас еще не все потеряно.

У них единая цель, общность духа и чувство ответственности. У них крепкая дисциплина, сплоченность и боеспособность. Они на глазах становились армией, боевой и моральной силой. Безусые еще юнкера, подбадривая себя, залихватски пели: *«Так за Корнилова, за Родину, за веру мы грянем дружное "Ура! Ура! Ура!"»*

Первый день похода. Все командиры Добровольческой армии идут пешком. Корнилов – не исключение. Он категорически отказывается от лошади, предложенной кем-то из конного дивизиона. Этим он показал, что будет делить трудности наравне со всеми. Для него были абсолютно равны и георгиевские кавалеры с полковничьими погонами, и юнкера, и ударники. Глубокий снег и реющий над ним национальный трехцветный флаг объединяли молодую армию. В этом был глубокий символизм.

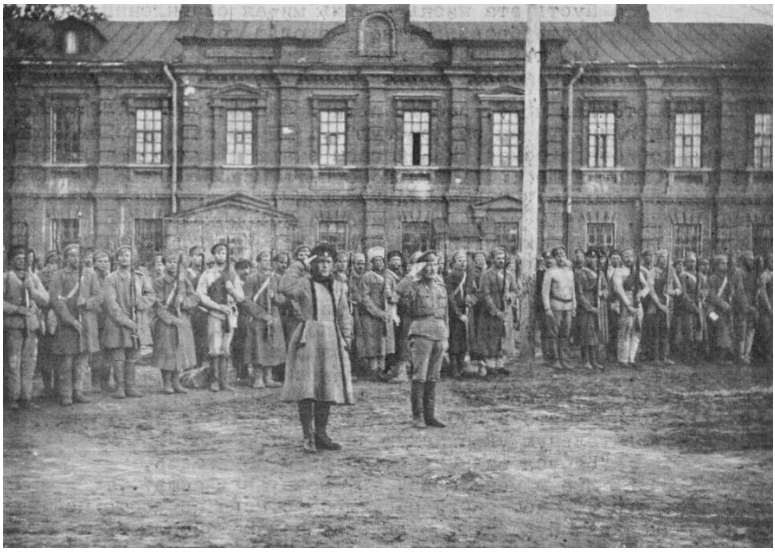
Представьте себе эту картину: впереди колонны в полушубке, в высокой папахе идет, опираясь на палку, бывший Верховный главнокомандующий Русской армией, генерал от инфантерии, его высокопревосходительство Лавр Георгие-

вич Корнилов. Сотни глаз внимательно всматриваются в него. Всех мучает один лишь вопрос: сумеет ли он вывести армию, а за ней и страну из того тупика, в который, по их мнению, загнал Россию злополучный 1917 год? Одним из смотревших на Корнилова был генерал Деникин. Позже в своих фундаментальных «Очерках русской смуты» он так опишет те мгновения: *«Внутреннее бурное горение с печатью того присущего ему во всем – в фигуре, взгляде, речи – достоинства, которое не покидало его в самые тяжкие дни его жизни».*

Генерал А. И. Деникин

Вслед за своим командующим, растянувшись на несколько километров, шли повозки с боеприпасами и лазаретом; между ними – колонны бойцов. Вид у них примечательный. Своей единообразной формой выделялся только Корниловский ударный полк. Ровные ряды красно-черных фуражек и таких же погон, скалящиеся черепа на нашивках. Дальше – кто во что горазд. Еще не все будущие марковцы одеты в черные гимнастерки, еще не скоро алексеевцы приобретут свои привычные бело-синие полковые цвета. Офицерские шинели и сапоги мерно чередовались со штатскими пальто, гимназическими фуражками, валенками.

Сегодня в Интернете чрезвычайно распространен так называемый мем «хруст французской булки». Это понятие, которое образно характеризует все утерянное вместе с Российской империей. Позволю себе скромно поинтересоваться у повторяющих эту ахинею: могут ли они назвать хотя бы одного участника похода Корнилова, который чем-то там хрустел? В ту эпоху их идейные противники как раз начали планировать ликвидацию безграмотности – тот самый ликбез. Им мы и займемся, чтобы хотя бы через сто лет перестать бездумно повторять и тиражировать вздор.



3-й Корниловский ударный полк

Под тем самым мемом обычно имеется в виду все материальное и духовное, утерянное вместе с Российской империей. Разумеется, в первую очередь – поместья, заводы, фабрики и золотые прииски. Так вот, открываем список участников Кубанского похода. Все фамилии сегодня известны, биографии уточнены. И что же мы видим? В ночь на 23 февраля из Ростова уходит Добровольческая армия. В ее состав входили:

242 штаб-офицера (из них 190 полковников);

2087 обер-офицеров (из них 215 капитанов, 251 штабс-

капитан, 394 поручика, 535 подпоручиков и 668 прапорщиков);

1076 нижних чинов и ударников (из них 437 юнкеров и кадетов);

630 добровольцев (из них 364 унтер-офицера, 235 солдат и 66 чешских добровольцев).

Кроме этого, в поход идет медицинский персонал в составе 148 человек (из них 122 сестры милосердия и 26 врачей).

Возможно, для кого-то это будет потрясающей новостью, но абсолютное большинство офицеров русской императорской армии были неимущими и жили исключительно на скромное жалованье. Забудьте вы уже привычный миф «дворянство содержало офицерский корпус». В начале XX века ничего подобного уже не было. Офицерами становились люди без достатка, зачастую откровенные бедняки. Многие помещичьи роды к тому моменту уже разорились, и определение 17-летнего сына на казенный кошт (за счет казны) в военное училище было решением многих тяжелых проблем для его родителей.

Рассуждающие про «хруст французской булки» демонстрируют поразительную неосведомленность. Эти люди даже не понимают, что офицерство империи было настолько бедно, что законом им было запрещено вступать в брак без одобрения начальства. У большинства была только одна возможность получить прибавку к скромному жалованью. Для этого нужно было служить в Туркестане, Забайкалье, Амур-

ской и Тургайской областях. Да и это мало спасало ситуацию, потому что денежное довольствие выдавалось офицеру не полностью. Существовало немало обязательных вычетов: в пенсионный фонд, как мы сказали бы сегодня, в казну, в заемный капитал офицеров полка, на содержание полковой библиотеки и даже в особый фонд для приобретения офицерского походного снаряжения. Например, кровать нужно было покупать самим.

Генерального штаба полковник Е. Э. Месснер, ставший последним начальником штаба Корниловской ударной дивизии, оставил безукоризненное свидетельство на этот счет: *«Офицеру разрешалось владеть поместьем или торговым промышленным предприятием, но управлять им воспрещалось. Общество офицеров не противилось тому, чтобы офицерская жена была преподавательницей гимназии, но традиция воспрещала ей служить, скажем, в конторе какой-либо фабрики».*

Объясняю популярно. У офицеров, вышедших с генералом Корниловым в Кубанский поход, фабрик, мануфактур и заводов не имелось. Богатых имений и алмазных рудников за ними не числилось. Им бы денег на походную кровать скопить. Все, что у них было, – верность своей стране и офицерская честь. И вот тут возникает совершенно потрясающая коллизия. Рассуждающие про хруст булки, не делая никакой паузы, тут же меняют свою точку зрения на 180 градусов, как только речь заходит о Великой Отечественной войне. Сразу

же появляется гордость за верность Родине и офицерскую честь.

Я таким людям задам (откашлявшись) очень простой вопрос: в чем заключается разница между условным штабс-капитаном Ивановым, павшим смертью храбрых за свои убеждения в Кубанском походе, и капитаном Ивановым, геройски погибшим при обороне Москвы в 1941 году? Почему над памятью об одном герое вы считаете возможным для себя глумиться, а память о втором для вас священна?

Не надо только мне рассказывать, что один погиб за Родину в борьбе против внешнего врага, тогда как другой – в братоубийственной смуте. Дело в том, что генералы Алексеев и Корнилов, а следовательно и вся Добровольческая армия, мира с немцами не заключали. Для них война продолжалась. Просто противников теперь стало больше. Полковник М. Г. Дроздовский, формировавший тогда свой отряд в Румынии, записал в дневнике: *«Немцы – враги, но мы их уважаем, хотя и ненавидим»*. Это была абсолютно консолидированная позиция русского офицерства, для которых Великая война не закончилась.

> Примирение в обществе, о необходимости которого в канун столетия начала Гражданской войны активно заговорили, невозможно до тех пор, пока некоторые будут относиться с глубочайшим презрением к собственному прошлому.

И ладно бы мнение, осуждающее белых офицеров, базировалось на серьезных исторических познаниях. Это еще можно было бы если не принять, то хотя бы понять. Но в нашем случае – напротив, все основывается на вопиющей, ослепляющей безграмотности (которой еще и гордятся).

Не надо иметь фундаментальных познаний, скажет мне иной читатель. Все и так предельно ясно. Хрустели французской булкой и были в бешенстве, что нет у них больше псовой охоты, борзые не стелют, не слышен доезжачих крик. Вот и начали расстреливать и вешать всех подряд по приказу Корнилова. Об этом и любимый вами Деникин писал, и десятки других белогвардейцев вспоминали. Будете спорить?

Я тяжко вздохну. Спорить придется, хотя и очень не хочется. Потому что в этом случае я буду выглядеть не в самом привлекательном свете. Известно ведь, что из двух спорящих всегда один – дурак, а второй – подлец. Но ничего не поделаешь, положение обязывает. Я готов побыть подлецом. И даже холодным циником. Чтение архивных документов этому способствует.

Вы никогда не пытались задать себе простой вопрос: почему расстреливали пленных? У любой жестокости всегда есть объяснение. Довод, что подобными действиями двигала исключительно классовая ненависть буржуазии к пролетариату, отметаем сразу же. Дело в том, что, во-первых, нена-

висть была взаимной, и еще очень спорный вопрос, кто кого ненавидел больше: первые корниловцы – первых большевиков или наоборот. Во-вторых, куда было девать пленных? Своей территории и тыловых структур у Добровольческой армии не было, численность минимальная, каждый человек на счету. Как ни ужасно это прозвучит, но выделять ежедневно конвой для охраны пленных Корнилов физически не мог. И еды для них у него не было, и медикаментов. Своим и то не хватало. Наконец, все постоянно забывают про обстоятельства эпохи. Шла война, а значит, действовали законы военного времени. По ним за измену Родине полагается смертная казнь. Корнилов искренне считал большевиков если не прямыми агентами Германии, то, выражаясь современным языком, активно действующими агентами влияния. Со всеми вытекающими из этого последствиями. Тем паче что эти пленные зачастую вели себя тоже соответственно – на допросах упорно вели революционную агитацию. Это не оправдывает жестокость, но должно приниматься во внимание.

И вот теперь главное: знаменитый приказ Корнилова, согласно которому всех пленных расстреливали, существовал только в умах деятелей советского агитпропа. В противном случае его бы давным-давно опубликовали. Сей документ активно искали долгие годы, но даже следа не нашли. Сегодня упоминания о нем равносильны отсылкам к рассветной дымке. Другое дело, что сам командующий Добровольческой армией искренне считал, что излишние колебания

вредны, особенно в те моменты, когда на карту поставлена судьба России. Именно поэтому еще в январе 1918 года, выступая перед офицерами Корниловского ударного полка, он заявил: *«В плен не брать. Чем больше террора, тем больше победы»*.

Вот и тот самый приказ, скажут мне. И совершат характерную ошибку, потому что с этой точки зрения тогда надо и Ленина оценивать. Владимир Ильич в своих письмах соратникам по партии много чего позволял себе рекомендовать. Но при этом в форме декретов, указов, приказов и иных нормативных актов эти самые рекомендации не выходили. Понимаете разницу? Всем известны эти слова Корнилова, но ни обстоятельств их произнесения, ни контекста, ни отношения к этому остальных вождей Добровольческой армии никто не знает. Еще раз повторяю: жестокость Гражданской войны ни в коем случае не оправдывается. Но нам необходимо понимать это в свете событий той непростой эпохи, о которой мы только начинаем говорить.

Кстати, о позиции остальных вождей. Какой-то единой стратегии даже по ключевым вопросам у отцов-основателей Белого движения на тот момент не наблюдалось. Обсуждались два варианта. Первый предполагал уход в район Зимовников, чтобы переждать пару месяцев, изучить обстановку, а после этого начать серьезную борьбу. Второй вариант был более решительным – идти на Екатеринодар (так в то время назывался Краснодар), где можно было бы увеличить чис-

ленность армии. Корнилов выступал за осторожный вариант, Алексеев и Деникин – за решительный.

В Бразилии каждый может тренировать футбольную сборную, в России все поголовно мнят себя крупными знатоками истории. Только этим можно объяснить маниакальное желание жарко спорить спустя сто лет о том, чья позиция была более правильной в тот момент. Даже если гипотетически допустить, что не погибнут последовательно Корнилов, Марков, Дроздовский и Тимановский, что бы поменялось в итоге в судьбе Добровольческой армии? Я лично не убежден, что и в этом случае воинство Святого Георгия не превратилось бы в итоге в «жоржиков», как охарактеризовал символ русской контрреволюции капитан Марковского полка Сергей Эфрон. Он был первопоходником и хорошо знал, о чем говорил.

Тысячи могил и десятки тысяч инвалидов войны, рассеянных потом по всему миру. Цепь безукоризненных военных подвигов и бесконечные расстрелы, погромы, сожженные деревни, грабежи. Подвижничество и террор. Условно говоря, Святой Георгий точно так же помог бы дойти до Орла, но потом Белая армия все равно была бы отброшена в Крым. И никакие Корнилов и Марков не смогли бы этому помешать, как не смогли потом обмануть судьбу и их боевые соратники. Они научились героически умирать за идею, но разучились при этом понимать, в чем именно эта идея заключалась. Нельзя бесконечно жить по принципу Портоса: «Дерусь просто потому, что я дерусь». Особенно когда жизнь

эта проходит в огне бесконечных атак без единого выстрела.

Отсутствие внятной идеи губило все. Большевики пообещали землю крестьянам и фабрики рабочим. Белое движение ограничилось лозунгом «Единая и неделимая Россия». Для победы в Гражданской войне этого, мягко говоря, было недостаточно. В каждом городе и в каждой станице, куда заходили добровольцы Корнилова, им неизменно задавали подкупающий новизной вопрос: «А за что вы, добры молодцы, так геройски воюете?» «Ну, как, – отвечал бравый двадцатилетний поручик, – за Россию-матушку, что вскормила нас. За единую, великую и неделимую». Но обыватель, задававший вопрос, обычно такой формулировкой почему-то не удовлетворялся. Его интересовала конкретика. Например, земельный вопрос. И тот самый поручик, прошедший вихри яростных атак, терялся и не знал, что сказать. Он, собственно, об этом и не задумывался никогда. И не только он. Все его сослуживцы по полку тоже едва ли смогли бы сказать что-то внятное по этому поводу.

Вы никогда не пробовали сравнить песенное наследие белых и красных? Это очень увлекательно, поверьте мне. После этого многие вопросы решились бы сами собой. У большевиков – сплошная конкретика. Цель обозначена, и путь к ней указан. Белые пели о чем угодно в диапазоне от любви к Отчизне до смерти за Родину. «За Россию и свободу если в бой зовут, то корниловцы и в воду, и в огонь пойдут»; «Смело мы в бой пойдем за Русь святую и как один прольем

кровь молодую». Именно так они и поступали, потому и результат был соответствующим. И никакие Корнилов, Марков или Дроздовский этого исправить не смогли. Не только потому, что сами действовали точно так же. Не хватало сущего пустяка: полностью отсутствовала четкая схема действий.

Ну, как же, возразит мне кто-то, а знаменитая программа Корнилова? Соглашусь, была такая. Но вы хорошо помните ее содержание? Генерал предлагал уничтожение классовых привилегий, восстановление в полном объеме свободы слова и печати, всеобщее обязательное начальное образование. Созыв Учредительного собрания, которое должно будет решить аграрный вопрос. За отдельными народностями, входящими в состав страны, признавалось право на широкую местную автономию. Но только при условии сохранения государственного единства. Все прекрасно, за исключением незначительной мелочи. Эта программа была хороша для предвыборной агитации в мирное время, но совершенно не подходила к условиям Гражданской войны. Побеждает в ней не тот, кто готов пролить больше крови, а тот, кто увлечет своей идеей массы. И вот с этим у добровольцев вышел промах.

Представьте себя гимназистом того времени. Вы зачитываетесь приключениями Пинкертона. Над кроватью висит портрет Блока. На ваших глазах рухнул привычный уклад жизни. Все вокруг говорят и спорят о невиданной свободе. Активнее всех это делает Временное правительство. Потом

его свергают большевики и обещают построить совершенно новое общество, в котором все будут равны. С другой стороны – генерал Корнилов. Ничего не обещает, но призывает всех встать на защиту исторической России. Это только в сказке Гайдара запишут поскорее Мальчиша-Плохиша в свое буржуинство и дадут ему целую бочку варенья да целую корзину печенья. В реальности ничего подобного не будет. Да, в том же Харькове молодежь одно время будет грезить о корниловской или дроздовской фуражке, но и только. Обыватель отнесется к идее Добровольческой армии в лучшем случае выжидательно, в худшем – недоверчиво.

О каком Учредительном собрании вы тут толкуете, милейший, если большевики уже землю всю раздали и в деревнях ее делят? О каких классовых привилегиях изволите говорить, если все уже ликвидировано ленинским правительством? И зачем нужна полная свобода слова, если и без того каждый делает и пишет что хочет? Остается только «Единая и неделимая Россия». Точнее всех проблему обозначил Деникин: *«Не было возможности внушить истинные цели армии. Делом? Но что может дать краю проходящая армия, вынужденная вести кровавые бои даже за право своего существования? Словом? Когда слово упирается в непроницаемую стену недоверия, страха и раболепства».*

В сухом остатке это означает, что командованию Добровольческой армии, с его сугубо консервативными взглядами, было очень трудно бороться со способностью большевиков

убеждать массы, с их многочисленными щедрыми митинговыми обещаниями. Причем выражение «очень трудно» в данном случае употребляется в значении «почти невозможно». Но тем, кто пошел за Корниловым, это было неважно. Для них этот поход и есть сама Россия. Разваливаются сапоги, и ноги натерты до острой боли. Увязают в грязи сестры милосердия, их маленькие ножки вылезают из больших для них сапог, которые остаются в размокшей глине. Но они идут. Ими воплощаются в жизнь жесткие слова Корнилова: «Если не суждено будет победить – покажем, как умеет умирать Русская армия».

В бою человек проявляется отчетливее всего. Так было принято считать в то время. Яростные атаки в полный рост ровными шеренгами, зачастую в кромешной темноте, спаяли их кровью – своей и чужой. Под огнем они были равны: генерал Марков и вчерашний юнкер Ларионов, легенда Корниловского ударного полка штабс-капитан Скоблин и юнец в сбившейся набок фуражке ростовской гимназии. Это было жертвоприношение за Россию во всех смыслах этого слова. Чистое, безумное, красивое и напрасное. Пусть военное счастье изменяет Корнилову, пусть на исходе боеприпасы, пусть после упорных боев изрядно поредевшее войско едва держится на ногах. Для них это ничего не значит. *«Мы говорили в дни Батыя и на полях Бородина: “Да возвеличится Россия! Да сгинут наши имена!”»* Это словно о них сказано, о первых добровольцах.

Генерал Корнилов с офицерами Корниловского полка

Корнилов понимал всю тяжесть положения. Он решает атаковать всеми оставшимися силами и взять Екатеринодар штурмом. Остальные лидеры Белой армии понимают, что лично для Лавра Георгиевича это вопрос решенный. Но они пытаются спорить и приводят в принципе убедительные доводы. Даже у этих стальных людей есть предел человеческих сил, армия рискует быть почти полностью уничтоженной во время боев за город. К тому же взятие Екатеринодара будет классической пирровой победой. Сил контролировать город у Добровольческой армии нет. Но Корнилов непреклонен.

Генерал Марков не спал двое суток. На совещании усталость взяла свое. Он проснулся как раз в момент оглашения окончательного решения. Как и все, воспринял его спокойно. Вернувшись в свой полк, лишь сказал нескольким офицерам страшные слова: «Наденьте чистое белье, у кого есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Город не возьмем, а если и возьмем, то погибнем».

Еще более жуткие слова были произнесены в разговоре Деникина с Корниловым. Лавр Георгиевич сразу обозначил свою позицию: если Екатеринодар не будет взят, он пустит себе пулю в лоб. Антон Иванович, опешив на пару секунд от этого, взялся убеждать не принимать скоропалительного решения. Нельзя бросать армию, которая доверяет своему командующему. В случае неудачи штурма отступать будет

тяжело, потому что уже некому будет выводить выживших. Корнилов незаменим – в этом Деникин был абсолютно прав.

Весь советский период истории имя прославленного русского генерала ассоциировалось с клеймом «злейшего врага трудового народа», «отъявленного белогвардейского отребья». И до сих пор подобные оценки звучат с завидной регулярностью. Но стоит прочитать отзывы современников о Лавре Георгиевиче, и перед нами предстанет храбрый и честный офицер, символ верности долгу и любви к Родине. Таких людей во все времена были единицы. Такими не рискуют напрасно. Но отговорить Корнилова, к сожалению для Белого движения, не получилось.

27 марта 1918 года Добровольческая армия, по меткому выражению одного из офицеров, пошла на свою всенощную – на бой, из которого не возвращаются, на штурм Екатеринодара. Атака безупречно ровных рядов корниловцев с блестящими погонами и винтовками наперевес вызвала в плохо еще организованном красном войске такую панику, что они поспешно бежали, несмотря на более чем пятикратный перевес в силах. В ходе этих боев Добровольческая армия, потеряв более тысячи человек убитыми и ранеными, смогла закрепиться в предместьях города. На помощь корниловцам подошел полк генерала Маркова, но и офицеры не смогли переломить ход сражения.

> Всех добровольцев, остававшихся к тому времени в строю, не насчитывалось и двух тысяч, в то время как

красный гарнизон Екатеринодара составлял более 50 тысяч человек.

30 марта в Корниловском ударном полку оставалось всего около 200 бойцов.

Когда Добровольческая армия занимала позиции для последнего штурма Екатеринодара, Корнилов выбрал в качестве своего наблюдательного пункта одиноко стоящее на возвышенности здание фермы. Офицеры попросили Лавра Георгиевича перенести штаб, так как красные обстреливали это место с самого начала боев. Но Корнилов и в этом был непреклонен: «Теперь уже не стоит, скоро штурм». Как вспоминали позднее добровольцы, генерала слишком потрясла гибель командира Корниловского ударного полка полковника Неженцева. Корнилов стал угрюм и задумчив. Ни разу с тех пор шутка не срывалась с его уст, никто не видел больше его улыбки.

Когда к штабу на повозке подвезли тело Неженцева, командующий склонился над ним, долго с глубокой тоской смотрел ему в лицо. Потом перекрестил и поцеловал, прощаясь как с любимым сыном. А утром 31 марта разорвавшийся в штабном домике артиллерийский снаряд лишил Добровольческую армию ее командующего Лавра Корнилова. В своих «Очерках русской смуты», будучи уже в эмиграции, генерал Деникин напишет: *«Дыхание становилось все тише, тише и угасло. Сдерживая рыдания, я приник к холодеющей руке почившего вождя. Рок – неумолимый и беспощадный.*

Щадил долго жизнь человека, глядевшего сотни раз в глаза смерти. Поразил его и душу армии в часы ее наибольшего томления».

Сначала смерть главнокомандующего хотели скрыть от армии до вечера. Но вскоре об этом узнало все войско. Боевые, израненные офицеры Корниловского ударного и Марковского полков, георгиевские кавалеры, плакали навзрыд, как дети. Кадеты и юнкера печально молчали. Это были мгновения всеобщего горя, ведь в Корнилове сосредоточилось все: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение. И когда его не стало, в сердца добровольцев начали закрадываться страх и мучительное сомнение. Поползли слухи, один другого тревожнее, о новых большевистских полках и дивизиях, окружающих армию со всех сторон, о неизбежности плена и гибели. Бурка, брюки, полушубок и папаха Лавра Георгиевича были разрезаны офицерами на кусочки и разобраны на память.

В ночь на 2 апреля тела генерала от инфантерии Корнилова и полковника Неженцева были тайно погребены на пустыре за немецкой колонией, в 50 верстах от Екатеринодара. Вместо похоронного салюта верных войск Корнилова провожали в последний путь залпы вражеских, хотя и русских, орудий. На месте захоронения не было оставлено ни могильных холмиков, ни крестов. Карты местности с координатами могил взяли с собой три офицера Корниловского ударного полка. Добровольческая армия, выполняя приказ нового ко-

мандующего генерала Деникина, отступала. Утром в колонию вошли большевики. Место захоронения было достаточно быстро обнаружено, трупы вырыты. Корнилова опознали по погонам полного генерала. Сорвав с него мундир, тело бросили на повозку, покрыли брезентом и отвезли в Екатеринодар. Сначала оно было доставлено во двор гостиницы, где квартировало командование красных войск. Сброшенное на землю тело Корнилова сфотографировали, после чего попытались повесить на дереве, но веревка оборвалась.

Созданная впоследствии в Белой армии Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков беспристрастно зафиксировала факты глумления над телом генерала Корнилова: *«Труп был уже неузнаваем: он представлял из себя бесформенную массу, обезображенную ударами шашек, бросанием на землю. Тело было привезено на городские бойни, где, обложив соломой, стали жечь в присутствии высших представителей большевистской власти, прибывших на это зрелище на автомобилях. Собранный пепел был развеян».*

Когда Добровольческая армия, уже во Втором Кубанском походе, взяла Екатеринодар, в могиле Корнилова были обнаружены лишь куски гроба. Этого никогда не забывали и не прощали в Корниловском ударном полку. С пленными комиссарами и бывшими офицерами русской императорской армии, пошедшими на службу к большевикам, потом уже не церемонились. Началась эпоха взаимной и всепоглощающей ненависти.

На месте гибели Корнилова его офицеры поставили скромный деревянный крест. Но и он простоял недолго. В 1920 году красные, едва войдя в Екатеринодар, уничтожили его. Но ни этот факт, ни годы замалчивания и откровенного шельмования фигуры генерала Корнилова в СССР не смогли вычеркнуть его имени из истории. И прав был митрополит Русской православной церкви за рубежом Анастасий, заметивший, что придет время и Россия воздаст дань ее благородным рыцарям.

«Не умеете вы, русские, ценить своих талантливых полководцев». Эти слова произнес весной 1918 года командующий оккупационными германскими войсками на Украине генерал фон Арним. Обращены они были к делегации из Ростова в ответ на их торжественное заявление: «Военнослужащий Корнилов убит под Екатеринодаром». Вдумаемся в эту ситуацию. Мы даже спустя сто лет не можем признать то, что было очевидно современникам еще век назад. И не нашим соотечественникам, а противникам в Первой мировой войне. Вместо этого отдельные «пикейные жилеты» с маниакальным упорством продолжают ссылаться на безграмотное мнение своих идейных предшественников из когорты разнообразных второсортных глашатаев, успешно превративших во многом правильный советский агитпроп в посмешище. А я вот возьму и процитирую Ленина. Да, именно его. Он по похожему поводу предельно внятно высказался в свое время: «*Все те клеветы, которые бросали на нас буржуазная*

печать и партии, им помогавшие или враждебные советской власти, – являются вздором».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.